

УДК 94(476)+37.014.5:811.162.1(476)«1837/1860»

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1830–1860 ГГ.): БОРЬБА ЗА «РУССКОЕ
ДЕЛО» И СТАТУС ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАНИИ**

А.И. Ганчар

*Гродненский государственный аграрный университет,
Республика Беларусь, gancharandre1@yandex.ru*

В статье анализируется процесс вытеснения и последующего частичного восстановления преподавания польского языка в учебных заведениях Виленского учебного округа в 1830–1860-е гг. Исследуются причины запрета 1837–1852 гг., механизмы замещения польского языка русским, а также дискуссия о допустимости польского языка в сельских приходских училищах. Особое внимание уделяется аргументации попечителей (Е.П. Врангеля, Г.И. Карташевского) и министров (С.С. Уварова, А.С. Норова), а также экономическим аспектам (финансирование из Эдукационного фондуша и доходов с упразднённых монастырей).

Ключевые слова: образование, Самогития, польский язык, Виленский учебный округ, римско-католическое вероисповедание, приходская школа, гимназия.

Актуальность исследования языковой политики на западных окраинах Российской империи в середине XIX в. обусловлена современными дискуссиями о роли языка в формировании идентичности и межкультурной коммуникации. Вопрос о преподавании польского языка в казённых заведениях Виленского учебного округа после мятежа 1830–1831 гг. стал не педагогической, а политической проблемой. Цель данной работы – реконструировать логику имперских властей при запрете и последующем (1856 г.) частичном разрешении польского языка, выявив противоречия между стремлением к русификации и прагматической необходимостью учитывать языковую реальность края. Источниковой базой послужило дело вводимое в научный оборот в контексте анализа бюрократических механизмов принятия решений.

Преподавание польского языка в казённых заведениях Виленского учебного округа было уничтожено в 1837 г., а в частных – в 1852 г. после чего распределение уроков по гимназиям и по уездным для дворян училищам неоднократно изменялось и наконец, по отмене преподавания латинского языка в дворянских училищах и при ограничении его в гимназиях, усилено было преподавание математики и иностранных языков. При существовавших требованиях образования в гимназиях и училищах, в случае возобновления в них преподавания польского языка, по мнению попечителя ВУО барона, генерал-лейтенанта Егора Петровича Врангеля, от 26 ноября 1856 г., нельзя было возвратиться к расписанию уроков, бывшему до 1837 г. Для этого нужно было часы, положенные для преподавания польского языка, отнести на счёт уроков математики и преимущественно иностранных языков и из производимого дополнительного жалованья составить, пропорционально с числом уроков, жалованье учителю польского языка, преподавание которого могло быть, как добавочные уроки, поручено учителям польского происхождения, предпочтительно воспитывавшихся в бывшем Виленском университе-

те. Что же касалось возобновления польского языка в Виленском казённом образовательном пансионе и вообще в частных заведениях, то, так как в них не было, по учебной части изменений, то надлежало принять в руководство опять те планы и распределение уроков, которые существовали в них до уничтожения польского языка [1, л. 2–3].

Для распространения религиозно-нравственного образования между государственными крестьянами в казённых имениях на основании общего училищного устава 1828 г. учреждены были по выс. пов. 22 июня 1842 г. сельские приходские училища, в которых преподавание Закона Божия, русской грамоты, первых четырёх правил арифметики и счисления на счётах было вверено местному православному духовенству по избранию епархиальных архиереев, с сохранением влияния и училищного начальства.

В 1855 г. дошло до сведения МГИ, что в сельских приходских училищах Виленской губернии кроме определённых в учебном уставе предметов преподавался ещё и польский язык, и что неблагонамеренные люди, пользуясь им, старались распространить между крестьянами чтение вредных книг на польском языке, для внушения им ложных понятий о их национальности и о России.

Об этом было сообщено управляющему Виленской палатой государственных имуществ и местному генерал-губернатору для принятия зависящих мер, вследствие чего управляющий ВилПГИ донёс в МГИ, что по тщательному его изысканию, распространения вредных польских сочинений между крестьянами не замечалось и что против этого и на предъ приняты им меры, но польский язык действительно преподавался в сельских приходских училищах и с преподаванием его соединено было условие существования самых училищ, т. к. этот язык являлся общеупотребительным между крестьянами, а для $\frac{4}{5}$ из них, следующих р.-к. вероисповеданию, необходим и по религиозным побуждениям. Преподавание же самого языка нисколько не препятствовало изучению русского языка даже католиками, а сам генерал-губернатор отзывался, что изъяснённым в донесении управляющего причинам, он признаёт лучшим преподавание польского языка в сельских приходских училищах оставить в том положении, в каком оно находилось.

Независимо от этого управляющий Ковенской ПГИ вошёл с представлением в МГИ, что народное образование в казённых селениях могло бы быть развито с большим успехом, т. к. сами крестьяне сознавали потребность обучения своих детей грамоте, но для этого необходимо было допустить преподавание местного самогитского языка, на котором говорили крестьяне и совершалось их богослужение, и определить к наставникам сельских приходских училищ, выписанным из семинарий Великороссийских губерний, помощников из местных жителей, знавших самогитский или литовский язык.

Поскольку приходские училища в селениях государственных крестьян учреждались на общих основаниях училищного устава 1828 г. с соответствующими им училищами ведомства МНП, то желая согласить и преподавание в них предметов с началами, допущенными по этому ведомству, управляющий МГИ в должности гофмейстера Е. Хрущёв, посчитал своим долгом, прежде какого-либо по данному предмету распоряжения, сообщить 29 ноября 1856 г. за № 39 о вышеизложенном на усмотрение управляющего МНП, прося уведомить его допущено ли по Западным губерниям в приходских училищах МГИ, в каких размерах и на каком основании преподавание местных польского и самогитского языков и на кого преподавание их возложено [1, л. 5–6 об.].

Из дел ДНП видно, что в 1832 г. министр внутренних дел уведомил, что император по всеподданнейшему докладу, выс. пов. соиз. составленные на польском языке управляющим Виленской р.-к. епархией еп. Клонгевичем два наставления в роде катехизисов, пространное и краткое, о существенных обязанностях подданных к своему государю, напечатать для употребления: первого в городских церквах и высших учебных заведениях, а последнего в сельских церквах и приходских училищах тех мест Западных губерний, где исповедуется р.-к. вера, а для Самогитии польский текст снабдить переводом на местный язык, и введя оба эти наставления в надлежащее употребление, иметь наблюдение за непременным его исполнением.

Вследствие чего министр внутренних дел предписывал РКДК распорядиться о переводе и напечатании наставлений в г. Вильно и о доставлении оттуда экземпляров во все епархии, для введения в надлежащее употребление.

Эти наставления, по напечатании, были введены в употребление в учебных заведениях КУО и ВУО и оставались руководствами по Закону Божию для католиков. МВД сообщало также, что кроме указанных, не должно было вводиться других руководств для учеников.

Во исполнение последовавшей в том же 1832 г. выс. воле, о преобразовании содержимых р.-к. духовенством училищ в светские, требовано было заключение попечителя Белорусского учебного округа, касательно уменьшения числа приходских училищ в Самогитии и о подчинении оставшихся за тем строгому надзору светских смотрителей.

В донесениях по этому предмету, попечитель БУО Григорий Иванович Карташевский, между прочим, писал: «Можно и в Самогитии вводить русский язык, ибо для коренных местных жителей язык польский почти столько же чужд как русский, но первому, однако же, учат, нельзя только принуждать насильно обучаться по-русски. Надобно дать желающим средства учиться этому языку, т. е. дать учителей, знающих по-русски, а в прочем ожидать успеха от времени обстоятельств». Без сомнения полезно было бы, чтобы благонадёжные священники принимали деятельное участие в приходских училищах, где учение веры должно было составлять главный предмет, но там, где правительство опасалось религиозного и политического «фанатизма» духовенства, эта мера, по утверждению МНП, была бы неуместна. Если детей поселян и других нижних состояний р.-к. исповедания будет обучать учитель этой веры по книге, составленной р.-к. духовным начальством и одобренной правительством, если местный приходской священник допущен будет посещать приходское училище, удостоверяться по временам как преподаётся катехизис, который, впрочем, и духовенство заставляло учить наизусть без всяких объяснений, и тем ли молитвам обучают детей, какие назначены, то этого совершенно, по убеждению Г.И. Карташевского, будет достаточным для убеждения всех и каждого благомыслящего, что в училищах не отвращают детей от их веры, наклоняют их к другому какому-либо исповеданию. Умножать же точки прикосновения духовенства совершенно было бесполезно.

Это заключение попечителя БУО Г.И. Карташевского министр народного просвещения князь Карл Андреевич Ливен нашёл совершенно справедливым и в предложении своём 25 февраля 1833 г. изъяснил, что желательно было бы, чтобы катехизису обучали бы на жмудском языке. Попечителем представлен был экземпляр катехизиса, напечатанный на польском языке. Был ли такой напечатан на жмудском языке из дела не видно. По получении окончательных соображений министр народного просвещения граф Сергей Семёнович Уваров в 1835 г. разре-

шил учредить в Самогитии, вместо содержащихся там духовенством, 11 светских приходских училищ.

Независимо предположений о самогитских училищах, попечитель БУО Г.И. Карташевский представлял в 1833 г. общие предположения о новом устройстве приходских училищ в Виленской, Гродненской и Минской губерниях, полагая, что учреждение приходских училищ допускать по мере существенной в них надобности, по уставу 1828 г.

Во всех городских приходских училищах преподавание должно было осуществляться на русском языке с обучением также и польской грамоте, а в сельских, сверх учения о вере, преимущественно надо было обучать русской грамоте. В самогитских же сельских училищах, поощряя к русскому языку, следовало учить жмудской грамоте и катехизис, молитвы и пение преподавать по назначению р.-к. духовного начальства.

Эти вышеуказанные предположения были предложены на рассмотрение Главного правления училищ, которое полагало учреждение прочих училищ на изъяснённом основании разрешить. Об исполнении этого м. н. п. С.С. Уваров предложил попечителю БУО 4 ноября 1833 г. за № 9652 [1, л. 7–9].

В 1836 г. граф Протасов в отчёте об обозрении им учебных заведений БУО, между прочим, указал, что витебские гимназии находятся в удовлетворительном положении, русский язык идёт хорошо, особенно в верхних классах, а вот польский язык преподаётся весьма слабо. Против этого рукой императора было написано: «С 1836 г. польский язык более в Витебске не преподавать». Могилёвские гимназии были в ещё лучшем положении: русский язык шёл ещё лучше, чем в Витебске. Протасов предположил, что это из-за того, что сам город был более русский. Против чего уже рукой м. н. п. С.С. Уварова было написано, что император изволил приказать эту же меру распространить и на Могилёв, т. е. не преподавать польский язык. Сам граф Протасов в отчёте отозвался, что не везде оказались равные успехи, но повсюду обращённое глубокое внимание на изучение русского языка дало уже возможность преподавать все предметы на этом языке.

В 1838 г. составлены были новые штаты учебных заведений БУО, 4-х губерний, и выс. ут. 4 января 1839 г. Граф С.С. Уваров, в записке Государственному совету, изъяснял, что в новом штате исключены во всех гимназиях и уездных училищах учителя польского языка. Преподавание польского языка с 1836 г. было прекращено по выс. пов. в учебных заведениях двух Белорусских губерний – Могилёвской и Витебской. В штате КУО, выс. ут. в 1835 г., также не положены были учителя польского языка. Что касалось до Самогитии, то там надлежало вновь устроить, по крайней мере, одно дворянское училище. По соображению географического положения самогитских уездов, оказалось, что самым удобным для этого пунктом являлся г. Шавли. В этом городе стала действовать гимназия по штату 1843 г.

По всеподданнейшему докладу м. н. п. Авраама Сергеевича Норова, 12 ноября 1856 г. император Александр II (коронация состоялась 26 августа / 7 сентября) 1856 г.) выс. соиз. на преподавание польского языка в учебных заведениях ВУО, т. е. в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской. Во исполнение чего м. н. п. А.С. Норов 15 ноября 1856 г. за № 9453 предложил попечителю ВУО войти с представлением: где и какие следовало приискать способы и каким образом это повеление привести в надлежащее исполнение. Самогитский же язык в учебных заведениях МНП не преподавался [1, л. 9–12 об.].

16 марта 1857 г. попечитель ВУО барон Е.П. Врангель в ответ на предложение от 15 ноября 1856 г. за № 9753 сообщил м. н. п. А.С. Норову о предписании всем педагогическим советам дворянского института и гимназий, вверенного его управлению ВУО, обсудить этот вопрос и представить ему свои заключения. Из полученных донесений советов видно, что имевшиеся в гимназиях и училищах денежные средства были столь скудны, что не предвиделось ни малейшей возможности отделить от них что-либо на покрытие предстоявших расходов на жалование учителю польского языка.

Внимательно рассмотрев в особом комитете, составленном попечителем ВУО из лиц, основательно знавших польский язык, все сделанные ему донесения педагогическими советами гимназий, Е.П. Врангель представил следующие предположения:

1) для преподавания польского языка в дворянском институте, гимназиях и дворянских училищах ВУО назначить при каждом из этих заведений по одному учителю польского языка, с правами государственной службы и жалованием младшего учителя;

2) при Виленском дворянском институте составить из людей, специально знающих польский язык, временный комитет, которому и поручить производство испытаний кандидатов, желающих занять место преподавателя в гимназиях и училищах, а также рассмотрение о выборе руководства и книг для чтения, уже одобренных начальством и принятых в училищах Варшавского учебного округа;

3) для польского языка, с учётом выс. ут. 10 апреля 1852 г. распределению учебных предметов по классам гимназий, может быть определено в гимназиях 12 уроков, в дворянских училищах – 10 уроков (табл. 1);

4) польский язык преподавать только желающим, отнюдь не делая его обязательным и не иначе как в объёме новейших языков (приложена составленная программа).

Таблица 1. – Распределение учебных предметов по классам гимназий (выс. ут. 10 апреля 1852 г.)

Класс	Назначено		Предполагается отнять для польского языка		Затем останется	
	Предмет	Урок	Предмет	Урок	Предмет	Урок
	Математика	4	Математика	1	Математика	3
I	Чистописание	3	Чистописание	1	Чистописание	2
II	Чистописание	3	Чистописание	1	Чистописание	2
III	Математика	4	Математика	1	Математика	3
	Французский	3	Французский	1	Французский	2
IV	Французский	3	Французский	1	Французский	2
	Немецкий	3	Немецкий	1	Немецкий	2
V	Немецкий	3	Немецкий	1	Немецкий	2
VI	Немецкий	3	Немецкий	1	Немецкий	2
VII	Один урок после обеда					

Источник: Дело о введения преподавания польского языка в Виленском дворянском институте, гимназиях и уездных училищах (15 ноября 1856 г. – 23 августа 1860 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 1342. – 91 л. – Л. 16 об.

О высылке к себе существующих в ВарУО программ для испытания преподавателей польского языка и принятых руководств по этому предмету, попечитель

ВУО уже снёсся с попечителем ВарУО и по получении от него просимых сведений, а из МНП утверждения программы курса польского языка для училищ ВУО Егор Петрович планировал представить м. н. п. добавочное представление с определением той степени знаний, которой необходимо будет требовать от кандидатов, желающих занять место преподавателей польского языка. По его мнению, от преподавателей этого предмета во вверенном его управлению округом необходимо было требовать основательных знаний русского языка и хотя поверхностного церковно-славянского [1, л. 14– 16 об.].

Таблица 2. – Требуемое содержание на учителей польского языка

Учебное заведение	Количество классов	Количество учителей	Годовое содержание (руб.)
Виленская губерния			
Виленский дворянский институт	7	1	350
Виленская гимназия	7	1	350
4-х классное отделение	4	1	300
Дворянские училища:			
Виленское	5	1	300
Свенцянское	5	1	300
Лидское	5	1	300
Молодечнянское	5	1	300
Всего по Виленской губернии		7	2200
Гродненская губерния			
Гродненская гимназия	7	1	350
4-х классное отделение	4	1	300
Белостокская гимназия	7	1	350
4-х классное отделение	4	1	300
Дворянские училища:			
Дрогичинское	5	1	300
Брестское	5	1	300
Пружанское	5	1	300
Слонимское	5	1	300
Свислочское	5	1	300
Всего по Гродненской губернии		9	2800
Ковенская губерния			
Ковенская гимназия	7	1	350
Шавельская гимназия	7	1	350
Дворянские училища:			
Кейданское	5	1	300
Россиенское	5	1	300
Поневежское	5	1	300
Вилькомирское	5	1	300
Тельшевское	5	1	300
Всего по Ковенской губернии		7	2200
Минская губерния			
Минская гимназия	7	1	350

Слуцкая гимназия	7	1	350
Дворянские училища:			
Минское	5	1	300
Пинское	5	1	300
Новогрудское	5	1	300
Бобруйское	5	1	300
Мозырское	5	1	300
Всего по Минской губернии		7	2200
Всего 30 уч. з.		30	9400

Источник: Дело о введения преподавания польского языка в Виленском дворянском институте, гимназиях и уездных училищах (15 ноября 1856 г. – 23 августа 1860 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 1342. – 91 л. – Л. 15–15 об.

Тайный советник Грубер, также как и попечитель ВУО, предполагал, что польский язык в учебных заведениях ВУО должен был быть допущен наравне с французским и немецким языками, но с меньшим числом уроков, т. к. ученики поступали в училища зная уже языки практически. Поэтому он полагал для изучения польского языка назначить в гимназиях 11, а в дворянских уездных училищах 9 уроков в неделю, т. е. по одному уроку менее против предположения Е.П. Врангеля, преподавание же самого предмета поручить наличным учителям, знавшим польский язык, с производством им за это в гимназиях по 200 руб., а в училищах – по 150 руб. в год., что составило бы 4 600 руб. сер. в год (табл. 2). Содержание программы польского языка, согласно мнению Грубера: в V классе объяснять родство языка польского со славянским и из истории литературы, в VII классе допустить только краткие замечания о классических польских писателях и их произведениях, а переводы с польского языка делать только на русский язык.

В ВУО состоял 1 дворянский институт, 7 гимназий, 3 4-х классных отделений, 19 5-ти классных дворянских уездных училищ. По именным спискам за 1856 г. значилось, что учителей из уроженцев Западных губерний р.-к. исповедания в указанных учебных заведениях, кроме законоучителей данного исповедания, состояло 110 человек, из которых 69 окончили курс в университетах.

Слуцкая гимназия содержалась Виленским ев.-р. синодом и в пособие на её содержание отпускалось, по недостаточности средств синода, по 4 000 руб. сер. в год из 200 000 руб. сер.

При обозрении Гродненской гимназии в 1856 г., м. н. п. А.С. Норов убедился, что 4-х классное отделение этой гимназии оказалось совершенно бесполезным заведением, как по числу учащихся и слабым их успехам, так и отсутствию затруднений в переводе учеников в соответствующие классы гимназии. Сумму, отпускавшуюся на содержание и наём помещения для отделения, всего 2 580 руб. сер., предположено было обратить на жалованье учителям реальных наук в учреждаемых при Виленской гимназии реальных классах.

Тайный советник Эварест Андреевич Грубер, в отчёте о состоянии учебных заведений в ВУО в 1856 г. находил, между прочим, что и 4-х классное отделение Белостокской гимназии могло быть закрыто, т. к. при уменьшившимся числе учащихся в гимназии не настояло более надобности в отделении учеников.

При решении закрытия 4-х классных отделений Гродненской и Белостокской гимназий, учителям польского языка в остальных гимназиях и дворянских уездных училищах потребовалось бы 8 800 руб. сер. в год, а по предположению Грубера – 4 600 руб. Учителям французского и немецкого языков производилось жалованье в гимназиях ВУО по 300 руб. сер., а в дворянских уездных училищах по

240 руб. сер., кроме добавленного, которое могло доходить в гимназиях до 100 руб., а в училищах до 60 руб.

Во всеподданнейшем отчёте м. н. п. А.С. Норова об обозрении им в 1856 г. некоторых учебных округов, относительно польского языка отмечалось, что до 1839 г. в учебных заведениях Виленской, Гродненской, Минской губерний, а также бывшей Белостокской области преподавался польский язык, а с 1839 г., с изданием новых для этих заведений штатов, из них исключены учителя польского языка. При осмотре же учебных заведений ВУО Э.А. Грубером, тайный советник убедился, что введение польского языка в заведениях ВУО не только не представляло затруднений, но и было желательно, потому что, во-первых, изучение двух родственных языков, как русский и польский, способствует большим в том и другом успехам, доказательство чего он имел при уроках в гимназиях, где преподаватели русского языка нередко прибегали для изъяснения правил к сравнению двух языков, во-вторых, польский язык в указанных заведениях употреблялся для преподавания Закона Божия р.-к. исповедания, следовательно ученики должны были знать и знали польский язык. Э.А. Груберу казалось неблагоприятным, если правительство уже допустило преподавание одного предмета на польском языке, лишая детей возможности изучать правила этого языка, им родного, тогда как их обучали иностранным языкам (французскому, немецкому, латинскому), и, в-третьих, введение преподавания польского языка удовлетворило бы повсюду высказываемое с покорностью желание жителей края.

По штату ВУО 1825 г., в числе учителей наук и языков положены были также учителя в гимназиях: старший польской словесности и младший латинского и польского языков, с жалованьем по 400 и 300 руб., а в уездных училищах – один учитель латинского и польского языков, с жалованьем по 300 руб. сер. (училища были 6-ти классные). По штату 9 сентября 1830 г. в учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний назначены были учителя польского языка, с жалованьем в гимназиях: старшие по 1 625 руб. асс., младшие по 1 200 руб. асс.; в уездных для дворян училищах преподавание польского языка возложено было на учителя латинского языка, которому полагалось жалованья по 1 200 руб. асс. в год; в уездных 3-х классных для мещан училищах учителю польского языка полагалось жалованья 700 руб. асс.

В 1831 г. последовало выс. пов. об упразднении в Западных губерниях училищ, содержимых р.-к. духовенством, и о замене их постепенно и по мере возможности светскими учебными заведениями. Из дела о преобразовании училищ из духовных в светские видно, что попечитель БУО Г.И. Карташевский, между прочим, представлял, что в заведениях округа русский язык должен был являться главным предметом и иметь несколько больше часов против положенного уставом 1828 г., а из др. учебных предметов должны были ему помогать те, в которых этот язык мог глубже укорениться в польском юношестве. Сюда относились и переводы с иностранных языков на русский. Необходимо было поощрять всеми мерами изучение главных предметов русского и латинского языков, также математики и исторических наук и «побочных» – французского и немецкого. Но нельзя было в Литве польский язык исключить из числа учебных предметов, а нужно было заставлять учителей сводить его грамматические правила со славянскими и русскими. Таким образом, по мнению Григория Ивановича, можно было извлечь ещё пользу из преподавания данной отрасли славянского языка.

По выс. ут. 3 января 1834 г. штату БУО учителям польского языка назначалось жалованье в гимназиях наравне с младшими учителями по 300 руб., в уездных

училищах для мещан наравне с прочими учителями наук по 194 руб. сер., а в уездных училищах для дворян назначено было преподавание польского языка поручить одному из учителей менее занятому своей должностью, с прибавкой за этот труд по 100 руб. сер. в год.

В 1833 г. и 1834 г. предполагалось исходатайствовать выс. соиз. на введение в заведениях Киевской, Волынской и Подольской губерний преподавание польского языка, наравне с французским и немецким, и учителям предоставить преимущества: в гимназиях равное с младшими учителями, а в уездных училищах равное с прочими учителями наук, с производством им жалованья, по Киевской губернии из Государственного казначейства, а по Волынской и Подольской из хозяйственных училищных или пожертвованных почётными попечителями сумм, а за недостатком их из общего Эдукационного фондуша. Но предположение это не состоялось.

В 1838 г., по случаю возраставшей потребности в образовании юношества Западного края и умножения числа училищ, были составлены и выс. ут. с 1 января 1839 г. новые штаты ВУО. Министр в записке в Государственный совет, между прочим, изложил, что в штатах были допущены только следующие изменения: исключены во всех гимназиях и уездных училищах учителя польского языка, оклады которых составили бы в сложности 4 140 руб. сер., что по составленному штату 1839 г. исчислено было в 1222 380 руб., по штату же 1834 г. и дополнительным постановлениям отпускалось на учебные заведения 103 160 руб., а следовательно в добавок потребовалось 19 220 руб. сер. в год.

20 октября 1843 г. был выс. ут. новый штат учебных заведений Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний, применённый к новому составу губерний. Поэтому штату учителей польского языка не полагалось. Часть необходимой по штату суммы отпускалось из доходов с имений упразднённых р.-к. монастырей, а прочие по штату расходы удовлетворялись из суммы 185 000 руб., отпускаемых ежегодно из ГК в замен доходов с общего Эдукационного фондуша и ассигнуемых в дополнение к ней 15 000 руб. сер. в год из общих государственных доходов [24, л. 24 об. – 27 об.].

С упразднением в 1832 г. р.-к. монастырей, принадлежавшие им недвижимые имения поступили в казну с тем, чтобы доходы с них были обращены на богоугодные заведения и в особенности на учреждение приходских училищ, которые до того содержались при указанных монастырях, но как, с одной стороны, оказалось, что при многих из упразднённых монастырей находились не одни приходские, но и высшие учебные заведения, а, с другой стороны, нужные расходы на учреждение светских учебных заведений в замен тех, которые содержались условиями упразднённых монастырей, не могли быть заимствованы из общего училищного фондуша, по крайнему истощению, то по всеподданнейшему докладу м. н. п. и м. в. д. 20 ноября 1832 г. высочайше было повелено доходы с упразднённых р.-к. монастырей употреблять на содержание не только приходских, но и высшего разряда училищ. Кроме отпускаемой из доходов суммы с имений упразднённых р.-к. монастырей, учебные заведения ВУО, как отмечено выше, а также Волынской, Подольской и частью Киевской губерний, содержались из 200 000 руб., отпускаемых ежегодно в замен доходов с общего Эдукационного фондуша.

Из источников, предоставленных МНП на содержание учебных заведений, по сметам ассигновалось:

1) из 200 000 руб. Эдукационного фондуша на содержание всех учебных заведений КУО – 57 101 руб. 49 коп., ВУО – 121 598 руб. 80 коп., на обсерваторию в г. Вильно – 2 362 руб., на пенсии из Эдукационного фондуша разным лицам (расход этот мог постепенно, но незначительно, уменьшаться за выбытием пенсионеров) – 11 268 руб. 24 коп., а всего – 192 330 руб. 53 коп. На чрезвычайные издержки оставалось 7 669 руб. 47 коп. Из этого остатка, например, осуществлялся расход на содержание чиновника особых поручений при попечителе ВУО – 500 руб.;

2) из по-монастырских доходов на содержание учебных заведений округов ассигновалось: КУО – 29 220 руб. 75 коп., ВУО – 34 537 руб. 93 коп., СПУО – 1 102 руб. 66 коп., а всего – 64 861 руб. 34 коп. сер.

И, кроме того, по особым отношениям с Министерством финансов отпускались суммы из монастырских доходов в добавок к штатному содержанию приходских училищ на наём домов, а также на прогоны смотрителям приходских училищ ВУО и на др. предметы для учебных заведений ВУИ и КУО. Доходы с этих имений, по причине не окончания люстрации, ещё не были приведены в известность.

Выс. ут. 29 декабря 1839 г. мнением Государственного совета, было постановлено, чтобы имения упразднённых некомплектных р.-к. монастырей обратить в общую массу государственных имуществ. Для определения дохода, который могли приносить эти имения, указывалось произвести им люстрацию и определённый по ней чистый доход производить в полном количестве из сумм ГК, тем местам и установлениям, которые им до того времени пользовались, а доход действительно получаемый с этих имений обращать в ГК, без всяких с теми местами и установлениями его расчётов в возвышении или уменьшении. Эту меру надлежало привести в исполнение по взаимному согласию МГИ, МФ, МВД и МНП.

Вследствие чего МНП находилось в переписке об определении той суммы, которая из этих доходов должна была постоянно отпускаться МНП. Сведения о доходах были сосредоточены в Виленской казённой палате. Доходы эти оказались недостаточными к покрытию отнесённых на них расходов, и в следствие чего издержаны были все имевшиеся в остатке деньги за прежнее время. Кроме того, в 1852 г. было отпущено из ГК на счёт возврата из доходов с указанных имений до 115 000 руб. сер.

Из отзывов МГИ, причиной упадка доходов заключалась в отмене и уменьшении крестьянских повинностей при введении оброчной системы управления, согласно особо изъяснённой высочайшей воле. Независимо от этого из некоторых имений удобные земли и угодья с полным от них доходом поступили в надел монастырям, архиерейским домам и сельскому приходскому духовенству, без всякого для казны возмездия. Некоторые незначительные имения по люстрации совершенно утратили отдельное своё значение, будучи соединены с другими казёнными имениями.

МВД нашло возможным обратить в пользу училищного ведомства всю сумму, какая могла бы следовать МВД для богоугодных заведений из доходов с по-монастырских имений, если на это испрошено будет высочайшее согласие, за исключением ежегодно производимых из этого источника на содержание по-монастырских церквей 10 064 руб. сер., а также издержек казённого управления и др. возможных законных притязаний.

К 1 января 1852 г. из по-монастырских доходов оставалось за расходами только 714 руб. 32 коп., а между тем числилось к возврату в суммы ГК за произведённые им на счёт тех же расходов заимообразные выдачи до 79 000 руб. сер. и сверх того отпущено было на счёт возврата из тех доходов в исходе 1851 г. ещё 35 514 руб.

сер., с которыми и составил к 1852 г. долг на доходах с по-монастырских имений в 114 395 руб. 33¼ коп. сер. Доходов же с по-монастырских имений поступило: в 1849 г. – 63 255 руб. сер., в 1850 г. – 62 082 руб. сер., в 1851 г. – 67 000 руб. сер. От 1850 г. оставалось в наличности 1 562 руб. 75 коп. В 1851 г. по-монастырских доходов было: в приходе – 84 205 руб. 40 коп., в расходе – 85 054 руб. 82 коп., в остатке к 1852 г. – 713 руб. 32 коп. В 1852 г. по-монастырских доходов было: в приходе – 57 404 руб. 37 коп., в расходе – 56 923 руб. 12 коп., в остатке к 1853 г. – 1194 руб. 58 коп. [1, л. 28–30].

По состоянию на 20 апреля 1857 г. в ВУО находился 1 дворянский институт, 7 гимназий, 3 четырёхклассных отделений гимназий, 19 дворянских уездных училищ, приходские училища; учащихся в институте и гимназиях – 2 493 и в уездных училищах – 1 962 [1, л. 32].

Вследствие представления попечителя ВУО барона Е.П. Врангеля, от 16 марта 1857 г., м. н. п. А.С. Норов 26 апреля 1857 г. за № 3649 разрешил преподавание польского языка в учебных заведениях ВУО ввести только в Виленском дворянском институте, в гимназиях, в отделениях гимназий и в дворянских уездных училищах, но не в приходских, а также на преподавание польского языка назначить от одного до двух часов в неделю, в каждом классе, предмет преподавать для желающих в объёме иностранных новейших языков, т. е. одно грамматическое изучение языка, не касаясь литературы. А.С. Норов утвердил также приложенную к представлению программу преподавания польского языка в гимназиях и распределение преподавания этого предмета по классам гимназий, а также одобрено было предположение попечителя о составлении при Виленском дворянском институте комитета для производства испытаний лицам, желавшим занять места учителей польского языка и выбора руководств и книг для чтения, при преподавании польского языка. Что касалось до предположений об определении особых учителей польского языка и преподавании его в 4-х классных отделениях Гродненской и Белостокской гимназий, то предварительно разрешения этих обстоятельств, м. н. п. А.С. Норов счёл нужным обратить внимание попечителя ВУО на ряд замечаний.

При обозрении в 1856 г. А.С. Норовым Гродненской гимназии, он лично убедился, что 4-х классное отделение этой гимназии оказалось совершенно бесполезным заведением, как по числу учащихся, так и отсутствию затруднений в переводе учеников в соответствующие классы. По тем же уважениям управлявший ВУО тайный советник Э.А. Грубер находил возможным закрыть и 4-х классное отделение при Белостокской гимназии. Распоряжение о закрытии 4-х классного отделения Гродненской гимназии увязывалось с перераспределением средств на открытие при Виленской гимназии реальных классов. Что же касалось до закрытия 4-х классного отделения Белостокской гимназии, то министр попросил об этом мнения попечителя ВУО.

Как расход на жалованье учителям польского языка не мог быть отнесён на средства учебных заведений, а МНП также не имело свободной суммы к покрытию данного расхода, то он должен быть обращён на ГК, которое, однако, также затруднялось принимать на себя даже и незначительные расходы. Имея это в виду, а также довольно значительное количество учителей в гимназиях и дворянских уездных училищах ВУО, знающих польский язык, министр предложил всё это на соображение попечителя ВУО с тем, чтобы найти возможность, не определяя особых учителей, поручить преподавать польский язык наличным учителям, как это было допустимо и прежде, с производством за этот сторонний труд в Ви-

ленском Дворянском институте и в гимназиях до 200 руб., а в училищах и в 4-х классных отделениях Виленской гимназии до 150 руб. сер. в год. А для большего удостоверения в знании этими учителями польского языка можно было подвергать их, предварительно допущения к преподаванию, испытанию в особом комитете при Виленском дворянском институте [1, л. 33–35 об.].

По поводу возникшей в МГИ переписке о допущении в подведомственных ему сельских приходских училищах Литовских губерний преподавания польского и самогитского языков, в отзыве от 15 мая 1857 г. было отмечено лишь о преподавании польского языка по ВУО в гимназиях и дворянских уездных училищах, о приходских же ничего не упоминалось. Находя, что сведения о преподавании польского и самогитского языков в приходских училищах нужны для разрешения возникшего вопроса о преподавании их в таких же училищах ведомства МГИ, м. г. и. генерал от инфантерии Михаил Николаевич Муравьев 25 мая 1857 г. за № 528 просил м. н. п. доставить необходимые сведения [1, л. 37–37 об.].

На отношение Департамента народного просвещения от 29 июля 1857 г. за № 6929 Департамент государственного казначейства вместе с тем предписал 10 августа 1857 г. за № 11873 ГК об отпуске под расписку казначея ДГК титулярного советника Башилова 7 669 руб. 47 коп., оставленных на покрытие непредвиденных в 1857 г. издержек по КУО и ВОУ из 200 000 руб.. определённых по государственной росписи, в замен доходов с Эдукационного фондуша в Западных губерниях. 22 августа 1857 г. за № 4699 МНП распорядилось отпустить всю сумму в ведение попечителя ВУО: 4 750 руб. на вознаграждение преподавателей польского языка в учебных заведениях ВУО, 245 руб. на жалованье чиновнику особых поручений при попечителе ВУО. Остальные средства надлежало хранить в казначействе ДНП с тем, чтобы та часть оных, которая к исходу 1857 г. останется неизрасходованной, была обращена в сумму процентов с общего экономического капитала учебных гражданских заведений. 9 октября 1857 г. было дано согласие МНП отпустить в распоряжение помощника попечителя ВУО 500 руб. сер. на покрытие путевых издержек учителей ВУО, призываемых в г. Вильно, для удостоверения в знании ими польского языка [1, л. 41, 44–45 об., 58].

Вследствие записки попечителя ВУО барона Е.П. Врангеля, от 10 октября 1857 г., м. н. п. А.С. Норов 18 октября 1857 г. сообщил ему, что распоряжение о поручении преподавания польского языка в гимназиях и дворянских уездных училищах ВУО следовало считать временной мерой, а при первой возможности преподавание польского языка будет возложено на особых учителей, с правами и жалованьем учителей новейших иностранных языков. Преподавание польского языка, при невозможности возложения его на кого-либо из наличных штатных учителей, могло быть поручено посторонним лицам, выдержавшим надлежащее испытание в комитете, учреждённом на этот предмет при Виленском дворянском институте, с производством им, в виде платы, того вознаграждения, которое назначено было штатным учителям [1, л. 62–62 об.].

Учреждённый на основании предложения м. н. п. А.С. Норова, от 26 апреля 1857 г. за № 3640, при Виленском дворянском институте комитет для испытания лиц на звание учителей польского языка и выбора руководств и книг для чтения при преподавании данного языка, препроводил к помощнику попечителя ВУО составленную членами комитета программу, для испытания лиц на звание учителей польского языка и вместе с тем сообщил, что комитет предположил ввести на время для руководства при преподавании в учебных заведениях ВУО польского языка грамматику Сероцинского и хрестоматию Лышковского в 3-х частях, упо-

требуемых в ВарУО. Вследствие чего 30 октября 1857 г. помощник попечителя ВУО обратился в МНП за утверждением как самой программы, так и о введении на время в употребление при преподавании в учебных заведениях местного края польского языка грамматики Сороцинского и хрестоматии Лышковского [1, л. 65–65 об.].

Так как со включением учителей польского языка в штат и с уравниванием их жалования с жалованием с прочими учителями мера по испытанию лиц в комитете при Виленском дворянском институте оказалась недостаточной, попечитель ВУО барон Е.П. Врангель счёл необходимым назначать на эти места таких людей, которые бы выдержали испытание на звание учителей польского языка в одном из заведений ВарУО, где все предметы преподавались на польском языке и где это испытание могло быть подвергнуто контролю высшего учебного заведения. А потому Егор Петрович 13 июня 1859 г. за № 1834 попросил А.С. Норова признать возможным сделать распоряжение по ВарУО о допущении в нём испытаний на звание учителей польского языка лиц, желавших занять эти места в заведениях ВУО, а также разрешить ему определять выдержавших это испытание лиц в гимназиях и параллельных их отделениях, со всеми правами учителей прочих иностранных языков, предоставленным выс. ут. штатом, а служащим учителями польского языка, которые выдержали испытание в Виленском дворянском институте и выдержат вторичное испытание в ВарУО разрешить зачислить и время прошедшей службы в этих должностях в действительную, со времени утверждения новых штатов, т. е. с 17 апреля 1859 г.

Сообразно этому, помощник попечителя ВУО князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов сделал надлежащее распоряжение о прекращении действий комитета при Виленском дворянском институте для испытания учителей польского языка и предложил директорам дворянского института и гимназий ВУО уволить от преподавания польского языка преподававших по найму, с удовлетворением их жалованием по старому окладу до 1 июля 1859 г., для занятия же вновь открывшихся штатных мест учителей польского языка, помощник попечителя ВУО предоставил директорам представить кандидатов из лиц, выдержавших испытание на это звание или в ВарУО, или снабжённых свидетельствами на право преподавания польского языка из комитета при Виленском дворянском институте, державших испытания до закрытия его действий, но с неперменным условием, дабы избранный кандидат получил университетское или гимназическое образование, или изъявил бы готовность выдержать специальное испытание по общим только предметам, требуемое от учителей новейших иностранных языков.

Так как суммы, назначенные новым штатом, не были отпущены, то помощник попечителя ВУО князь А.П. Ширинский-Шихматов при утверждении в службе представляемых директорами кандидатов на должность штатных учителей польского языка, встречал затруднение, с которого именно числа следует начать производить этим лицам жалование по новому штату. Вследствие чего А.П. Ширинский-Шихматов 27 июня 1859 г. просил ДНП об уведомлении его, с какого именно числа будет ассигновано жалование для учителей польского языка из сумм ГК, т. к. без этого сведения он затруднялся утверждать в службе избранные на эти места лица [1, л. 71–74 об.].

На удовлетворение жалованием лиц, преподававших польский язык с 1 января по 1 июля 1859 г. в гимназиях ВУО, по найму, было употреблено из суммы сбора за учение 1 150 руб. сер. принимая во внимание значительные расходы, падавшие на этот источник, как-то удовлетворение чиновников квартирными деньгами, вы-

дачу пособий и наград, приобретение зоологических кабинетов для гимназий, и некоторые другие, и имея в виду, что в гимназиях ВУО, по случаю ассигнования сумм на жалование учителям польского языка по новым штатам, со времени утверждения этих штатов, т. е. с 17 апреля 1859 г. до времени замещения этих должностей впредь штатными учителями, образуется значительный остаток, А.П. Ширинский-Шихматов 29 июля 1859 г. просил м. н. п. Евграфа Петровича Ковалевского разрешения возвратить из этого остатка в сумму сбора за учение употреблённые из этой суммы на жалование преподавателям польского языка, за время с 1 января по 1 июля 1859 г., всего 1 150 руб. [1, л. 80–80 об.].

Вследствие предписания м. н. п. Е.П. Ковалевского, от 10 июля 1859 г. за № 5078, попечитель ВарУО Павел Александрович Муханов 31 июля/12 августа 1859 г. предписал председательствовавшему в Варшавском экзаменационном комитете допускать к испытанию в этом комитете лиц, желавших занять места учителей польского языка в учебных заведениях ВУО и по выдержании ими такового испытания выдавать соответственные свидетельства [1, л. 86].

Ещё в 1857 г. при посредничестве попечителя ВУО барона Е.П. Врангеля коллежский асессор Каминский представлял м. н. п. А.С. Норову грамматику польского языка, сочинённую им и одобренную Санкт-Петербургским цензурным комитетом, впоследствии напечатанную, на как грамматика эта на практике оказалась обширной, то он, сократив две первые части и представив министру, в рукописи, с экземпляром напечатанной грамматики, просил её рассмотреть и, по одобрении, ввести в руководство по учебным заведениям.

Грамматика польского языка, сочинения Каминского, не была представлена в МНП, как равно не была рассмотрена ни в Цензурном, ни в Учёном комитетах. По представленному же печатному экземпляру этой грамматики видно было, что она была одобрена к печати в Виленском цензурном комитете. М. н. п. А.С. Норовым, согласно представлению помощника попечителя ВУО, 14 ноября 1857 г. № 10269 было разрешено принять при преподавании польского языка в учебных заведениях ВУО в руководство грамматику Сероцинского и хрестоматию Лышковского. В указанных заведениях вообще были приняты в руководство для польского языка учебные книги, одобренные уже начальством и принятые в училищах ВарУО, как наиболее соответствующие объёму утверждённой программы преподавания данного языка в учебных заведениях ВУО. В связи с чем вице-директор ДНП А. Воролов 7 июня 1860 г. за № 3871 обратился к попечителю ВУО за соответствующим заключением.

По ближайшему рассмотрению грамматики Каминского, помощник попечителя ВУО князь А.П. Ширинский-Шихматов 14 августа 1860 г. за № 2600 сообщил в ДНП, что она не могла быть принята в руководство, как не имевшая тех достоинств, которых требовались от подобного рода сочинений. Изложение этого учебника было вообще неясное и не доступно детскому возрасту. Соответствующий отказ со стороны ДНП последовал 23 августа 1860 г. [1, л. 88–88 об., 90–91 об.].

Таким образом, политика Российской империи в отношении польского языка в образовании Северо-Западного края в 1830–1860-е гг. прошла путь от полного запрета (1837–1852) до строго регламентированного факультатива (1857). Основными факторами были: политическая неблагонадёжность – польский язык ассоциировался с мятежами и «вредными книгами»; религиозный фактор – для католиков он был языком катехизиса, поэтому полностью исключить его не удавалось, но всячески ограничивали; экономия средств – предпочтение отдавалось

наличным учителям с доплатой, а не созданию самостоятельных польских кафедр; игнорирование самогитского языка – он не был допущен в систему МНП, что свидетельствовало о приоритете русификации над учётом местных языков даже в ущерб образовательному процессу.

Для современной межкультурной коммуникации этот исторический пример демонстрирует, что языковая политика, лишённая гибкости и нацеленная исключительно на унификацию, порождает скрытое сопротивление и не решает задачи интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дело о введении преподавания польского языка в Виленском дворянском институте, гимназиях и уездных училищах (15 ноября 1856 г. – 23 августа 1860 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 1342. – 91 л.

LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH-WESTERN REGION (1830–1860): THE STRUGGLE FOR THE "RUSSIAN CAUSE" AND THE STATUS OF THE POLISH LANGUAGE IN EDUCATION

A.I. Hanchar

Grodno State Agrarian University, Belarus, gancharandre1@yandex.ru

The article analyzes the process of displacement and subsequent partial restoration of the Polish language instruction in educational institutions of the Vilnius Educational District in the 1830s–1860s. It examines the reasons for the ban of 1837–1852, the mechanisms of replacing the Polish language with Russian, as well as the debate on the admissibility of the Polish language in rural parish schools. Special attention is paid to the reasoning of trustees (E. P. Wrangel, G. I. Kartashevsky) and ministers (S. S. Uvarov, A. S. Norov), as well as to economic aspects (financing from the Educational Fund and revenues from dissolved monasteries).

Keywords: education, Samogitia, Polish language, Vilnius Educational District, Roman Catholic confession, parish school, gymnasium.